

Возникновение русского картографического чертежа и восприятие пространства в Московской Руси в XV–XVI вв.

Алексей Фролов

The emergence of Russian cartographic drawing and the perception of space in Muscovy in the fifteenth and sixteenth centuries

Alexei Frolov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

Вопрос о времени возникновения картографической традиции на Руси остаётся дискуссионным. В отечественной историографии до последнего времени доминировало мнение о том, что она имеет прочные основания если не в XV, то в XVI в., хотя чертежи того времени утрачены. Это в свою очередь давало основания говорить об отсутствии отставания отечественной картографии от западноевропейской¹. Но от XVI в. до нас дошёл только один чертёж (1536–1537 гг.), следующий по хронологии датируется столетием позже², а подавляющее большинство остальных относится к последней четверти XVII в.³

Такая скудость материалов породила в последнее время прямо противоположную тенденцию – скептическое отношение к тезису о давности русской традиции картографирования. Наиболее радикально высказался В.В. Пестерев, который практически отрицает её существование вплоть до появления тех источников, которыми мы реально располагаем. Для обоснования своей точки зрения ему приходится расширительно трактовать сам термин «чертёж» (в частности, применительно к «Книге Большому Чертежу», далее – КБЧ), якобы обозначающий в документах не графическое изображение, а текстовое описание (прежде всего границ)⁴.

© 2016 г. А.А. Фролов

Статья подготовлена в рамках проекта «Северная Евразия на картах: от Птолемея до современных ГИС-технологий», грант РНФ №14-18-02121.

¹ Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. М.; Л., 1946. С. 12; Кузин А.А. Развитие чертёжного дела в России (до XVIII в.) // Труды Института истории естествознания и техники. Вып. 3. М., 1955. С. 168; Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956. С. 199–231; Медушевская О.М. Картографические источники XVII–XVIII вв. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957. С. 3; Иванов Б.П. Русская картография до XVII в. // Материалы Харьковского отделения Всесоюзного географического общества. [Харьков, 1964]. С. 176–178; Шибанов Ф.А. Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971. С. 5–10; Тиц А.А. Загадки древнерусского чертежа. М., 1978. С. 30–32; Постников А.В. Карты земель российских: очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества. М., 1996. С. 13, 14; Кусов В.С. Московское государство XVI – начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. С. 5–6.

² По-видимому, наиболее ранними из сохранившихся чертежей XVII в. являются беловой и черновой планы 1643 г. Патриаршего двора в Кремле (Тиц А.А. Новые данные о Патриаршем дворе // Архитектурное наследие. 1962. № 14. С. 75–88).

³ Кусов В.С. Московское государство... С. 25–26.

⁴ Пестерев В.В. К вопросу о степени развития русской картографии в XVII–XVIII веках // Вестник Курганского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 2. 2006. С. 72–75.

Однако есть свидетельства того, что на картах Исаака Массы 1612 г. и Гесселя Герритса 1613–1614 гг. были воспроизведены не только топонимика, но и графика «старого чертежа», описанного в КБЧ⁵. Да и контекст, где упоминаются некоторые чертежи XVI в., указывает скорее на графическое изображение местности. Так что едва ли можно столь радикально переоценивать основное значение термина «чертёж» русских источников. Вместе с тем вопрос о том, как развивалась картографическая традиция в XVI в. и существовала ли она вообще, действительно, требует изучения. Впрочем, Пестерев не исключает того, что КБЧ была составлена на основе чертежа, который представлял собой лишь иллюстрацию к вербальному описанию.

К той же тенденции относится и мнение В. Кивельсон, которая полагает, что отсутствие источников говорит не об утрате, а об отсутствии таковых⁶. Опираясь на исследование М.Э. Берри по истории японской картографии, Кивельсон пишет о «картографической ментальности», развитие которой с необходимостью должно предшествовать появлению собственной традиции создания карт. Чтобы накопленные географические знания начали воплощаться в виде карты, требуется «эпистемологический сдвиг» в сознании. «Помимо навыков и потребности, сначала требуется желание перевести окружающий мир в код. То есть должна существовать сильная склонность к преобразованию всего, что в окружающем мире является особым, личным, уникальным и познаваемым из опыта, в общие, безличные, категориальные и статичные признаки»⁷. Поэтому, по Кивельсон, «переход от географического знания к графическому нанесению на карту не является необходимым, и отсутствие устоявшейся исконной русской картографической традиции до XVI века не бросает тень на культурное развитие России»⁸.

Не возражая в принципе против связи процесса картографирования с прогрессом абстрактного мышления, которое способно трансформировать индивидуальные образы в символы, хотелось бы отметить, что изображения, относимые историографией к картографическим, слишком разнообразны по предназначению, технике исполнения и «уровню абстракции», чтобы для всей их совокупности можно было говорить о некоем историческом моменте возникновения картографической традиции. Интересный опыт изучения всевозможных изобразительных приёмов, применявшихся на чертежах XVII в., принадлежит С.И. Сотниковой, которая расположила чертежи в эволюционный ряд – по мере возрастания «уровня абстракции». Впрочем, от привязки к хронологии исследовательница воздержалась ввиду стихийного характера эволюции и сохранения на протяжении длительного времени примитивных приёмов картографирования⁹.

В зависимости от решаемых задач исследователи предлагали различные способы классификации русских чертежей XVI–XVII вв. Чрезвычайно инте-

⁵ Красникова О.А. Карта северного берега России 1612 г. Исаака Массы и Книга Большому Чертежу Московского государства // Наука из первых рук. 2010. № 1(31). С. 74–85.

⁶ Кивельсон В. Картографии царства: земля и её значения в России XVII века. М., 2012. С. 34–41.

⁷ Berry M.E. The codification of Space and Society. Неопубликованная работа, подготовленная для семинара: What is Early Modern and Japanese about «Early Modern Japan?» Berkeley, Calif., September 1996. Р. 20–22. Цит. по: Кивельсон В. Указ. соч. С. 36.

⁸ Кивельсон В. Указ. соч. С. 37.

⁹ Сотникова С.И. Памятники отечественной картографии XVII в. // Памятники науки и техники. 1987–1988. Вып. 6. М., 1989. С. 182–201.

ресной и почему-то мало востребованной стала систематизация А.А. Кузина¹⁰. Среди чертежей XVII в. он различал «чертежи-рисунки внешних видов сооружений», «чертежи-схемы» и «географические карты-чертежи». Для каждой из этих групп он отдельно рассматривал графические приёмы, применявшиеся при изготовлении изображения. Л.А. Гольденберг выделял чертежи: оборонного назначения (укреплённых районов, крепостей), государственных границ, зарубежных стран, административных районов, городов, землевладений, специального назначения (гидрографические и т.д.)¹¹.

С.И. Сотникова выделила четыре группы чертежей, внутри которых предложила более мелкую дифференциацию: 1) чертежи населённых пунктов: городов (инвентарного или строительного назначения), улиц Москвы, царских сёл; 2) чертежи дворов: казённых учреждений, монастырей, частных владельцев; 3) чертежи земельных владений: спорных земель, спорных дворовых мест, свободных земель, поместных земель; 4) обзорные чертежи местности: территории в районах крупных рек, больших дорог (военного и торгового назначения)¹². А.В. Постников разделил русские карты на «локальные» и «обзорные»¹³. В.С. Кусов различал чертежи по пяти «масштабам изображения» или «уровням генерализации». В зависимости от того, отображение каких объектов являлось главной целью, исследователь выделил пять групп чертежей: 1) городских дворов; 2) пустошей; 3) земель села или деревни; 4) города или уезда; 5) городов, приближённо определив пороговые значения масштаба – от 1:300 до 1:3 000 000 соответственно¹⁴.

Таким образом, понятие «русский чертёж» объединяет широкий спектр картографической продукции, которая может быть классифицирована по разнообразным основаниям. Поэтому правильнее, мне кажется, говорить о развитии нескольких традиций, друг с другом пересекающихся лишь отчасти. Лучше всего для рассмотрения проблемы изучения традиций русского чертежа, на мой взгляд, подходит классификация А.А. Кузина. Впрочем, третью из выделенных групп он рассматривал лишь попутно с первыми двумя и относил к ней все планы местностей, т.е. примерно половину ныне известных чертежей, что представляется не совсем правильным. Большинство планов местности крупномасштабны и мало чем отличаются от первой группы, т.е. «чертежей-рисунков внешних видов сооружений». Вместе с тем крупномасштабные (хорографические) карты следовало бы отличать от мелкомасштабных (географических).

Поэтому, на мой взгляд, всё многообразие чертежей нужно рассматривать в русле развития трёх традиций. Первая из них – крупномасштабные «чертежи-рисунки», показывающие только внешний вид отдельного сооружения или группы объектов. Эти планы изображают прежде всего взаимное расположение объектов как элементов ландшафта, непосредственно доступных восприятию субъекта. Вторая традиция – крупномасштабные «чертежи-схемы», дающие изображение как внешнего вида, так и внутреннего устройства сооружений. Здесь первостепенное значение имел не столько внешний облик объектов как часть ландшафта, сколько их конструктивные особенности и размеры. Нако-

¹⁰ Кузин А.А. Указ. соч. С. 131–169.

¹¹ Гольденберг Л.А. Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII–XVIII вв.) // Проблемы источниковедения. Т. 7. М., 1959. С. 15.

¹² Сотникова С.И. Указ. соч. С. 178.

¹³ Постников А.В. Карты... С. 13.

¹⁴ Кусов В.С. Московское государство... С. 62.

нец, третья традиция представлена мелкомасштабными «картами-чертежами», изображающими значительную территорию на основе не визуального опыта, а синтезированного представления о взаимном расположении объектов.

Рассмотрим вопрос о возникновении каждой из этих традиций по отдельности.

«Чертежи-рисунки». К сожалению, многие известия источников, которые в историографии приводятся как свидетельства древности картографической традиции, в действительности не имеют отношения к чертежам. Лишь недоразумением можно объяснить появление среди них «Степанова камня», найденного в округе Бежецка и трактуемого предположительно как межевой знак XII в.¹⁵ А.А. Кузин пишет: «На одном из таких межевых признаков, известном под названием “камень Степана” (найден в Калининской области), имеется рисунок, который, возможно, является примитивным планом межеванного поля»¹⁶. Упоминают о нём и другие историки картографии¹⁷. Между тем на «Степановом камне» было изображено поле для игры в «мельницу», о чём писал его публикатор¹⁸. Эта игра была широко распространена не только на Руси, но и по всей Европе и Азии, причём очень часто игровое поле расчерчивалось наспех на случайных поверхностях¹⁹.

С лёгкой руки П.И. Иванова из одной работы в другую кочуют упоминания об изготовлении чертежа «на лубу» в правой грамоте Снетогорскому монастырю от 1483 г.²⁰, хотя в источнике сообщается о том, что «княжой боярин Михайло да Климета сотцкой тое воды досмотрели, да и на лубь выписали, и передь осподою положили, да и велись по лубу», т.е. записывали межевые приметы не на пергамент или бумагу, а на древесную кору (бересту?), и пользовались этой записью при разбирательстве²¹.

На право считаться древнейшим претендует чертёж, интерпретируемый Г.М. Прохоровым как схема первоначальной планировки Кирилловского монастыря на берегу Сиверского озера начала XV в. К сожалению, как отмечает сам исследователь, чертёж был выполнен не одновременно с написанием текста в той же тетради, а позднее (хотя, по мысли Г.М. Прохорова, самим Кириллом Белозерским)²², и это лишает нас возможности настаивать на столь ранней дате рисунка.

Неоднократные свидетельства изготовления чертежей-рисунков появляются в XVI в. Прежде всего это их упоминания в росписях дел царского архива

¹⁵ История культуры Древней Руси: Домонгольский период. 1. Материальная культура. М.; Л., 1951. С. 61.

¹⁶ Кузин А.А. Указ. соч. С. 138.

¹⁷ Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. С. 11; Кивельсон В. Указ. соч. С. 33.

¹⁸ Спицын А.А. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. V. СПб., 1903.

¹⁹ Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 111.

²⁰ Иванов П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846. С. 141; Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 181; Боднарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. Т. 1. М., 1947. С. 36; Лебедев Д.М. Указ. соч. С. 200; Шибанов Ф.А. Указ. соч. С. 5; Постников А.В. Развитие... С. 134; Кусов В.С. Московское государство... С. 5–6; Кивельсон В. Указ. соч. С. 36.

²¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 340.

²² Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская национальная библиотека. Кирилло-Белозерское собрание. № XII. СПб., 2003. С. 19–26.

и документов приказных учреждений²³. Следует, впрочем, помнить, что некоторые из хранившихся там чертежей могли быть нерусского происхождения. Часть их связана с фиксацией границ с Великим княжеством Литовским, а значит, могла выполняться носителями традиции европейской картографии. Так, самый ранний чертёж из царского архива (опись датируется 1572–1575 гг.) находился в ящике 21: «чертеж Смоленской и рубеж смоленским волостем». А.А. Зимин, учитывая содержание других документов из ящика, датирует чертёж 1522 г. и связывает его появление с переговорами о перемирии с Великим княжеством Литовским, отмечая, что инициатива «Смоленску... рубеж учинити» принадлежала королю Сигизмунду, просившему об этом Василия III²⁴.

Другой ящик (22) содержал «книги великого князя Василья после отца его великого князя Ивана; да книги, и списки, и грамоты при великом князе Иване Васильевиче всеа Руси з Жигимантом королем; и чертеж Себежской и Гуменской»²⁵. Предложенное А.А. Зиминим чтение «Гомельской» не кажется убедительным не только в силу слабого сходства названий, но и потому, что расстояние между Себежем и Гомелем (около 500 км) делает почти невероятным изображение их на одном плане. Это исключает из оснований датировки чертежа факты событий вокруг Гомеля. Поскольку Себеж был занят русскими войсками в 1535 г. и по перемирию 1537 г. (подтвержденному в 1542 г.) признан русским владением, то наиболее вероятным временем изготовления чертежа является период с 1535 до 1542 г. Ящик 57 царского архива содержал «чертеж Лукам Великим и псковским пригородком с литовским городом с Полотцком»²⁶. Здесь определяется лишь верхняя дата – 1563 г., когда Полоцк стал русским городом.

Таким образом, отложившиеся в царском архиве древнейшие чертежи, характеризующие отдельные отрезки межгосударственных границ, относятся к 1520–1530-м гг. В те же годы появились и присутствовали в не очень большом количестве на протяжении остальных десятилетий XVI в. упоминания о чертежах в поместно-вотчинной документации (в связи с размежеванием земель в ходе судебных разбирательств)²⁷. Единственный сохранившийся чертёж XVI в., причём очень примитивный, датируется 1536–1537 гг.²⁸

«Чертежи-схемы». Говоря о древнейших упоминаниях изображений этой группы, невозможно выйти за рамки предположений большей или меньшей вероятности, поскольку факты упоминания не содержат достоверных указаний на содержание и внешний вид документа. Опись царского архива учиты-

²³ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Т. 1–3. М., 1978; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977.

²⁴ Описи царского архива... С. 19; Государственный архив России... Т. 1. С. 135; Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 633.

²⁵ Описи царского архива... С. 19.

²⁶ Там же. С. 24.

²⁷ См., например: Архив СПбИИ РАН, кол. 2, кн. 23, л. 192–192 об., 196–196 об.; РГАДА, ф. 1209, оп. 3, д. 17151, л. 128, 130 об.–131, 136 об.–137, 182–182 об.; Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. Т. II. М., 1905. С. 476; Сборник Грамот коллегии экономии. Т. 1. Пг., 1922. С. 100; Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 274, 279; Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край. М., 1978. С. 42–43, 118, 120. Неопубликованные материалы РГАДА предоставлены мне К.В. Барановым, за что выражаю ему признательность.

²⁸ Кашианов С.М. Чертёж земельного участка XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1963. Т. 17. С. 429–436.

вает «ящик 144. А в нем чертежи и списки украинских городов»²⁹. Вслед за А.А. Зиминим эти документы следует связывать со строительством южно-русских крепостей, развернувшимся с начала 1550-х гг.³⁰ Это даёт основания для предположения о том, что чертежи ящика 144 содержали характеристику внутреннего устройства новых крепостей, необходимую правительству для решения оборонных задач. Ящик 164, помимо других документов, содержал «грамоту о Норовском городище и чертеж»³¹, изготовление которого соотносится со строительством города в устье Наровы в июле 1557 г.³² В ящике 221, среди документов, связанных с Ливонской войной, находились «чертежи ливонских городов»³³. Естественным кажется предположение, что они изготавливались по мере продвижения русских войск в Ливонии.

К 1593/94 г. относится инструкция о составлении «чертежа-схемы» проектируемого города: «А пришед на Тару реку, присмотреть под город место, где пригоже быти новому городу... и сделать бы... город сажен около в полтретьяста или в [три] ста, то по месту смотря, да острог де[лать] сажен в 300, и в 400, и... смотря по людям и до 500 сажен... И городовые места, и город и острог на чертеж начертить и всякие крепости выписать, где ст[анет] город, да с тем отписать ко государю подлинно, чтоб государю о всем было известно»³⁴. Самые ранние сохранившиеся чертежи, относимые к данной традиции, – план палат, принадлежавших ранее патриарху Филарету Никитичу, и черновик этого плана, датируемые 1643 г.³⁵

«Карты-чертежи». Едва ли служит надёжным свидетельством глубоких корней данной традиции предположение Б.А. Рыбакова о существовании карты Московии 1497 г.³⁶: если она и существовала, есть основания видеть в ней изображение, вычерченное иностранцем³⁷. Географические знания о Московии Д. Герасимова и И.В. Ляцкого также воплотились в карты, изготовленные в 1520–1530-е гг. иностранцами (Паоло Джовио и Антонио Видом соответственно). Наиболее старинным из известных русских документов, принадлежащих к этой традиции, следует считать «Старый чертёж» конца XVI в., использованный в качестве основы для «Нового чертежа», роспись которого известна как «Книга Большому чертежу»³⁸. Самым ранним из сохранившихся оказывается «Чертёж русским и шведским городам», составленный в Новгороде между 1650 и 1656 гг.³⁹

Таким образом, «чертежи-рисунки» появляются в источниках с 1520–1530-х гг., «чертежи-схемы» – не ранее середины XVI в. (если верна предположенная атрибуция некоторых чертежей царского архива), «карты-чертежи» – лишь в конце XVI в. Каковы истоки этих традиций? Следует признать, что развитие чертёжной техники не могло происходить в отрыве от общих тенденций

²⁹ Описи царского архива... С. 31.

³⁰ Государственный архив России... Т. 2. С. 337–338.

³¹ Описи царского архива... С. 33.

³² ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 284. Датировка А.А. Зимина.

³³ Описи царского архива... С. 42.

³⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 355–356.

³⁵ Тиц А.А. Новые данные... С. 75–88.

³⁶ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 21–56.

³⁷ Baron S.H. B.A. Rybakov on the Jenkinson Map of 1562 // New Perspectives on Muscovite History. N.Y., 1993. P. 3–13.

³⁸ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.

³⁹ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. 1950. Т. 20. С. 271–302.

развития графического искусства. Рассматривая её в контексте графических приёмов, применяемых для передачи горизонтальных и вертикальных предметов на плоскости бумаги, А.А. Кузин пришёл к выводу, что «для решения этой основной проблемы технической графики в России и в Западной Европе имелись в то время разные отправные точки». Если западноевропейские мастера стремились приспособить для создания чертежей перспективные изображения, получившие распространение в живописи XIV–XVI вв., то русские чертёжники XVI–XVII вв. исходили из принципов иконописного искусства, в котором правила построения рисунка не требовали уменьшения удаляющихся от плоскости картины вертикальных отрезков (как в современных аксонометрических проекциях) и допускали изменения точки зрения (как в ортогональных проекциях). Такая техника обусловила, в частности, совмещение в пределах одного чертежа видов с разных точек зрения, характерное для русской картографии XVII в.⁴⁰ Позднее генетическую связь русского чертежа с древнерусской иконописью отмечали С.И. Сотникова, В.С. Кусов и А.В. Постников⁴¹.

Поскольку основные принципы построения иконописного изображения были восприняты русскими мастерами из Византии, не удивительно, что первые упоминания крупномасштабных чертежей, как и самые ранние сохранившиеся до нашего времени чертежи, связаны с монастырями – проводниками греческой учёности на Руси и центрами иконописного мастерства. Византийское наследие, на мой взгляд, обусловило и относительно позднее появление на Руси карт-чертежей. А.В. Подосинов поставил под сомнение само существование картографии в современном её понимании не только в Византии, но и в античном греко-римском мире⁴². Согласно его точке зрения, в этих культурах «человек ориентировался в пространстве не по карте, а предпочитал вербальное описание пространственных отношений, хорошо нам знакомое по таким литературным жанрам, как перипл, период, периэгеса, итинерарий и т.д.»⁴³.

Данный вывод вписывается в сформулированную тем же исследователем концепцию существования двух систем ориентирования в пространстве. Эгоцентрическую или хорографическую систему ориентации, при которой «субъект наблюдения полагает себя в центре наблюдаемого им мира, а все окружающие объекты воспринимает через призму их отношения к этой центральной точке», Подосинов противопоставил картографической системе, «когда наблюдатель исключает из рассмотрения место своего пребывания как исходный пункт рассмотрения, как бы паря над землёй и со стороны охватывая всю её мысленным взором»⁴⁴. Возникновение этого второго, картографического, принципа описания пространства, по мысли исследователя, было возможно только при «очень высокой степени развития отвлеченного геокартографического сознания». Под воздействием этой системы ориентирования и происходит пере-

⁴⁰ Кузин А.А. Указ. соч. С. 146–149.

⁴¹ Сотникова С.И. Указ. соч. С. 182–183; Кусов В.С. О русских картографических изображениях XVI в. (предварительное сообщение) // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980. С. 113–121; Постников А.В. Развитие... С. 133–134.

⁴² Подосинов А.В. Картография в Византии (к постановке проблемы) // Византийский временник. Т. 54. М., 1993. С. 43–48.

⁴³ Там же. С. 45.

⁴⁴ Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 23, 35.

ход от примитивных эгоцентрических карт к картам, не фиксирующим центр как место наблюдающего субъекта.

По-видимому, практиковавшиеся способы описания и членения пространства долгое время позволяли обходиться без составления мелкомасштабных карт и на Руси. В подтверждение данного тезиса рассмотрим то, как московиты упорядочивали и практически применяли географические знания в XVI в. Ранние этапы становления русского картографического чертежа историография связывает с накоплением географических знаний в трёх сферах деятельности — поземельных писцовых описаниях, в размежевании границ государств, в путешествиях и создании сопутствующих специальных дорожников⁴⁵. Успехи именно в перечисленных областях могли сформировать традицию изготовления чертежей, если картографические изображения находили в них практическое применение, служили основой для дальнейшей работы. Наиболее полный материал для суждения об этом даёт изучение писцовых книг и других источников по исторической географии Новгородской земли конца XV–XVI в.

Разделение территории, контролируемой великокняжеской администрацией из Новгорода, на пятины. Разделение центральной части Новгородской земли на пять частей — «пятин», по которым велось всё делопроизводство великокняжеской администрации, раздавались земли в поместья и собирались налоги, учитывались служилые люди и проводились писцами поземельные описания, восходит к первым годам московской власти в Новгороде. Уже жалованные грамоты июня–июля 1482 г. упоминают этот элемент административного деления⁴⁶. В основу названий, которыми были обозначены пятины, легли исторически сложившиеся имена «десятин» Новгородской епархии: Бежецкой, Водской, Деревской, Шелонской и, по-видимому, Обонежской⁴⁷. Конфигурация границ самих десятин причудлива и, несомненно, отражает исторически сложившуюся группировку церковных приходов. Но московской администрации разобраться в столь сложной системе деления оказалось не под силу. Границы пятин были проведены по крупнейшим рекам региона — Волхову, Мсте, Мде, Ловати и Луге.

Разделение работы между писцовыми комиссиями внутри пятин. Деление гигантской территории ядра Новгородской земли на пять частей нередко оказывалось слишком крупным для решения ряда задач, прежде всего — организации писцовых описаний. Для масштабных работ конца 1530-х гг. каждая пятина была разделена между двумя комиссиями примерно пополам. При разграничении зон работы писцовых комиссий в Новгородском уезде основными маркерами служили большие дороги (Ивангородская — в Водской пятине, Псковская — в Шелонской, Московская — в Деревской). Территории остальных уездов могли быть отнесены к зоне писца целиком (Водская пятина) или разделены по большой дороге (Шелонская пятина).

Районы письма 1550/51 г. либо совпадали по территории с зонами 1530-х гг. (Шелонская пятина, Белозерская половина Бежецкой пятин), либо определялись путём деления территории зон (Водская, Деревская пятин, Тверская

⁴⁵ Шибанов Ф.А. Указ. соч. С. 9–10; Тиц А.А. Загадки... С. 31; Лебедев Д.М. Указ. соч. С. 199–210; Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 10; Постников А.В. Карты... С. 13.

⁴⁶ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. Т. I. Отд. II. М., 1905. С. 7–8; Баранов К.В. «Се аз пожаловал есми... в поместье». Жалованная грамота Ивана III 1482 года // Исторический архив. 1993. № 5. С. 187–189.

⁴⁷ Фролов А.А. «Книга записи Софийской пошрины» и проблема происхождения новгородских пятин // Приходная книга Новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи Софийской пошрины»). М.; СПб., 2011. С. 209–214.

половина Бежецкой пятины) на части. В этом случае территориальный состав районов определялся по пространственной связи с той или иной большой дорогой (четыре района Деревской пятины) или, предположительно, по границам уездов (четыре района Водской пятины)⁴⁸.

Не даёт столь же выразительного материала письмо первой половины 1580-х гг. В Бежецкой пятине разделение работы между писцами соответствовало разграничению на зоны 1530-х гг. В Водской, Деревской и Шелонской пятинах описание всех территорий, которые десятилетием ранее в связи с земельными переделами не изымались из ведения новгородской администрации, было поручено одному писцу. В Обонежской пятине обе её половины описывались одной комиссией.

Межевые описания. Другой разновидностью административной практики, непосредственно связанной с географическими знаниями, является размежевание земель. В основе описания пространства в межевых документах того времени (как и XVII в.) лежат многочисленные межевые знаки и ориентиры – «старые ямы», «белые камни», «крекневастые сосны», «мхи», «ручьи»⁴⁹, которые могли принести практическую пользу в локализации межи лишь тому, кто на этой меже непосредственно находился. Изготовление чертежа как элемент, необходимый для рассмотрения определённого рода споров о земле (когда права на землю подтверждаются «третейскими записями», сделанными после валового письма 1620-х гг. и не зарегистрированными в Поместном приказе, при том, что «третьи померли»), стало обязательным только в 1686 г., и то лишь в случаях невозможности разобрать спор на месте («а буде им зачем в таких землях указу чинить немочно, и о том писать и розыски и чертежи тем землям присылать к Москве»)⁵⁰.

Создание справочника центров сельской округи Новгородской земли в середине XVI в. Давно известная науке «Роспись погостов» (далее – РП) – древнейший справочник погостских и ямских центров всей Новгородской земли, который использовался, видимо, для расчёта стоимости проезда в любую точку подведомственной территории. Он датируется периодом между серединой 1540-х и серединой 1560-х гг.⁵¹ В качестве источника для перечня погостов в этом документе был использован комплекс писцовых книг 1540-х гг.: последовательность пунктов, перечисленных по пятинам в РП, в точности следует оглавлениям соответствующих книг, но вторична относительно них. Другим источником РП, откуда были позаимствованы названия ямов и расстояния от Новгорода до каждого пункта, был, судя по всему, комплекс изгонных ямских книг. Таким образом, поставщиками информации для географического справочника по Новгородской земле также стали прошедшие сложную процедуру перекомпоновки документы, аккумулировавшие географическую информацию, полученную «на земле», для которых «скелетом» служила сеть рек и дорог.

⁴⁸ Фролов А.А. «Географический фактор» в организации государственных поземельных описаний конца XV – середины XVI в. // Книга картины Земли: сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. М., 2014. С. 257–284.

⁴⁹ Кучкин В.А. Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. Вып. 2(12). Л., 1984. С. 165–176; Баранов К.В. Новгородская «ободная» грамота 1511/12 года // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1997. С. 10–12.

⁵⁰ ПСЗ-І. Т. 2. № 1178. С. 757.

⁵¹ Фролов А.А. Географическая информация «Росписи погостов» как инструмент для её источниковедческой характеристики // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 97–104.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что применявшиеся на Руси в административной практике конца XV–XVI в. приёмы описания и членения пространства не отличаются от тех, что были распространены в Византии. Картографические материалы не являлись её необходимым элементом. Организация пространства не требовала сколь-нибудь значимой абстракции и мыслилась только через узнаваемые элементы ландшафта, которые описывались вербально и легко опознавались на местности без обращения к карте. Поэтому немногочисленные случаи упоминания чертежей, относящихся ко времени до XVII в., следует трактовать не столько как свидетельство существования мощных картографических традиций, сколько как отдельные феномены-предшественники, не формирующие некоего устойчивого тренда.

По меньшей мере до второй половины XVII в. чертежи играют лишь роль дополнения к основной документации и не имеют в глазах составителей самостоятельной ценности. В официальном делопроизводстве они обычно прилагались к «рописям», т.е. вербальному описанию географической информации. По наблюдению А.И. Филюшкина, сделанному на материалах русско-литовских посольских книг XVI в., в первой четверти столетия появляется практика составления росписей приграничных земель местными властями. Эти росписи не имели официального характера, но использовались в центральных учреждениях как источник «географических сведений» для решения многих вопросов, касающихся прохождения границы⁵². Вероятно, не случайно древнейшие карты порубежья, хранившиеся в царском архиве в 1570 г., также относятся к 1520–1530-м гг.

Не исключено, что и «старый чертеж», упоминаемый в КБЧ как основной источник (наряду с «чертежом полю»), не сопровождался росписью, а был приложением к ней. В пользу этого, на мой взгляд, свидетельствует то, что при наличии 26 списков КБЧ второй половины XVII в. (не говоря уже о снятых с них более поздних списках) не сохранилось ни одной копии самого чертежа – несмотря на то, что он хранился в Разряде ещё в 1668 г.⁵³ Едва ли за этим стоит лишь относительная простота копирования текста и трудоёмкость копирования карты, как полагала К.Н. Сербина. По замечанию самой исследовательницы, списки КБЧ служили практическим руководством не только в приказных учреждениях, но и для служилых людей «разных чинов». В сознании людей XVII в. основным документом служил текст, а чертёж был приложением к нему. И даже то, что в конкретных обстоятельствах перенос информации осуществлялся с карты в текст КБЧ (а не наоборот), не изменило отношения к карте. К.Н. Сербина считает, что предполагать наличие более ранней, чем КБЧ, росписи «старого чертежа» нет оснований, потому что она должна была быть известна в 1627 г. и, несомненно, использовалась бы как дополнительный источник КБЧ⁵⁴. Нельзя, однако, забывать, что «старый чертёж», хранившийся в Разрядном приказе, пережил большой московский пожар 1626 г. А соответствующая роспись могла его и не пережить – как и основной объём документации столичных приказов.

⁵² Филюшкин А.И. Следы существования письменных росписей приграничных земель в посольских книгах XVI в. // XIX Всероссийская научная конференция «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.», посвящённая 100-летию со дня рождения Александра Ильича Копанева. 1–4 июля 2015 г. Тезисы докладов. СПб., 2015.

⁵³ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. Отд. II. М., 1889. С. 12, 15.

⁵⁴ Книга Большому чертежу. С. 3, 4.